

Щитов Александр Григорьевич, Мао Чуньчао

ЯЗЫК В КУЛЬТУРЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦ

В статье в рамках межкультурной коммуникации в ходе рассмотрения китайских и русских пословиц о языке обнаружены этические и эстетические сходства и различия в отношении к слову, речи, языку. Педагогический и образовательный смысл совместного исследования выражается в обнаружении общих ценностей, взаимного доверия и понимания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/59.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 211-215. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

15. **Хабибуллина О. А.** Звукоподражательные слова в немецком языке в сопоставлении с французским и русским: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003. 154 с.
16. **Шляхова С. С.** Тень смысла в звуке: введение в русскую фоносемантику: учеб. пособие. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. 216 с.
17. **Шляхова С. С., Лобанова А. С.** Звукоизобразительность в коми-пермяцком языке. Пермь: ПГПУ, 2012. 297 с.
18. **Groß M.** Zur linguistischen Problematisierung des Onomatopoeischen. Hamburg, 1988. 261 S.
19. **Nübling D.** Die prototypische Interjektion: Ein Definitionsvorschlag // Zeitschrift für Semiotik. 2004. Band 26. Heft 1-2. S. 11-45.
20. **Yang Ch.** Interjektionen und Onomatopoeika im Sprachvergleich: Deutsch versus Chinesisch: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde. 2001. 217 S.

SOUND DESCRIPTIVE NATURE OF GERMAN TERMINOLOGY

Shlyakhova Svetlana Sergeevna, Doctor in Philology, Associate Professor

Shestakova Ol'ga Valentinovna

Perm ' National Research Polytechnic University

pr@pstu.ru; pr@pstu.ru

The authors ascertain the sound descriptive nature (iconicity) of the German language terms, which belong to the different branches of scientific knowledge, and reveal that the mechanism of their formation is sound imitation (onomatopoeia): the meanings are formed on the basis of associations with the sounds of the outside world and the sounds of the human body.

Key words and phrases: onomatopoeia; sound imitation; sound description; scientific terms; the German language.

УДК 81-25

Филологические науки

В статье в рамках межкультурной коммуникации в ходе рассмотрения китайских и русских пословиц о языке обнаружены этические и эстетические сходства и различия в отношении к слову, речи, языку. Педагогический и образовательный смысл совместного исследования выражается в обнаружении общих ценностей, взаимного доверия и понимания.

Ключевые слова и фразы: пословицы и поговорки; межкультурная коммуникация; точка бифуркации; диалог культур.

Щитов Александр Григорьевич, канд. пед. наук

Томский политехнический университет

shchitov@sibmail.com

Мао Чуньчао

Институт международного образования и языковой коммуникации

Томского политехнического университета

ЯЗЫК В КУЛЬТУРЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦ®

Пословицы и поговорки наиболее ярко и разносторонне отражают в языке жизнь этноса. Это огромный пласт культуры, хранящий тайны истории и уникальный опыт выживания. Устойчивые обороты речи, обладающие энергией воздействия на слушателя, рассчитаны, прежде всего, на живое общение, интонацию и жест. Вырванные из контекста, они не всегда могут быть понятны или поняты превратно, особенно иностранцем, и поэтому требуют развернутого комментария. В процессе межкультурной коммуникации обращение к иноязычным идиоматическим выражениям является довольно точным показателем знания иностранного языка и иноязычной культуры. Учитывая практическую значимость и безграничность объекта, рассмотрим китайские и русские пословицы и поговорки о языке с целью выявления ценностного сходства и различия в понимании слова, речи, языка.

Точки бифуркации (этим синергетическим термином мы обозначаем зоны взаимодействия двух мощных культур и мировых языков), степень полного соответствия или несоответствия между устойчивыми выражениями в этих языках обнаруживают общечеловеческое единство культур и различия в системе прагматических, этических и эстетических координат русских и китайцев, например *活到老,学到老 // huo dao lao, xue dao lao // век живи – век учись*. Наши наблюдения носят принципиально субъективный характер, потому что сам выбор анализируемого материала определяется интересами, вкусом, этическими и эстетическими предпочтениями, персональной культурой обучающихся в Томском политехническом университете китайских студентов. Имея дело с живым языковым материалом, мы сталкиваемся с проблемой сближения-

расхождения в оценках и понимании разных сторон жизни с точки зрения русских и китайцев и шире – с различиями в картинах мира названных этносов [4].

Предметом осмысления в данной статье являются представления о языке, его функциях, отраженные в китайских и русских пословицах и поговорках (например, кит. 对牛弹琴 / *duì niú tán qín* / *играть на лютне перед буйволом* = рус. *метать бисер перед свиньями*). Динамические процессы в языке не всегда свидетельствуют о его развитии, зачастую они лишь свидетельствуют об изменениях, касающихся частоты употребления и понимания смысла фразеологизмов в целом. Подстрочный перевод идиоматических выражений за редким исключением методологически несостоятелен (он попросту невозможен: у китайцев нет отвлеченных понятий, у них не знаки, а символы) и потому мало что проясняет. Механизм понимания иноязычного идиоматического выражения непросто, и он предполагает соотнесение своей и чужой системы этических и эстетических координат, зарождающихся в сознании человека и отражающихся в языке описательно или пересказательно. Это касается, в первую очередь, представлений о добре и зле, силе, красоте, справедливости, милосердии, совести и жалости. Различия в толковании и понимании данных понятий требуют тонкого и деликатного диалога. И этот диалог становится интересен сам по себе. Точка бифуркации расширяется, создавая пространство диалога культур в широком смысле слова, потому что при этом активируются и коррелируются фундаментальные основания личности обсуждающих. *Я согласен // мне непонятно // мне безразлично // меня настораживает // меня тревожит // меня пугает // я отказываюсь это обсуждать // я протестую* – таков личный диапазон каждого студента в обсуждении сложных вопросов, касающихся оценки пребывания человека в социальной ситуации.

Совместный анализ материала с носителем китайского языка обогащает уникальным опытом обретения смыслов в очевидном, оборачивающемся неожиданными открытиями. Обсуждая устойчивые фразеологические выражения – емкие, объективированные языковые формулы, мы обнаруживаем механизм межличностного взаимодействия, через который и осуществляется реальный диалог культур. Этот путь привлекателен тем, что исключает возможность встречных эмоциональных инвектив, психических атак и откровенной агрессии.

Отбирая материал для анализа, мы ориентировались на аксиологические приоритеты говорящих. Русский человек, знакомясь с китайскими пословицами, погружается в совершенно иной поэтический мир, иную поэтику. На вопрос, какое место занимает женщина в китайской семье, получаешь ответ: *половинка неба...* Метафора очень похожа на русскую, узнаваемая, но эстетически другая – русские свою избранницу часто называют просто *половиной*. Это немаловажно, если учесть, что русский и китайский языки и культуры достаточно далеки друг от друга. Китайские пословицы указывают на очень тонкие вещи, возникающие в отношениях между людьми, которые при беглом прочтении русскими не замечаются. Пути любви и дружбы в сознании китайцев связаны с понятием судьбы и предзнаменования. Китайская пословица *«созданы, но не предназначены»* относится к парам, которые, повстречавшись, вскоре разрывают отношения. Даже если влюбленные *«созданы друг для друга»*, это еще не значит, что они будут вместе [1].

Китайские пословицы выбирали по принципиально субъективным критериям русские студенты, а русские пословицы – китайцы. Дальнейшее движение навстречу друг другу осуществлялось в соответствии с личным пониманием смысла фразеологических выражений и интереса к ним. Сразу же обострилась проблема перевода выбранных текстов, насколько они точно выражают смысл. Зачастую готовый перевод китайской пословицы, взятый из Интернета, отвергался китайскими студентами как неточный, с другой стороны, у них не доставало социального опыта и знания русского языка для уточнения высказывания. Перевести иероглифическое письмо можно по-разному, с различной полнотой и глубиной передачи смысла изречения.

Оценивать лексическую составляющую китайских пословиц можно весьма условно – это источник затруднений, а ведь именно по словесной выразительности и эмоциональной образности мы привыкли оценивать русские пословицы. Общее основание для сравнительного анализа по этой причине представляется неполным. Поиск адекватных русских выражений привел к неожиданным результатам: часть китайских пословиц имеет смыслового двойника в русской фразеологии – это не перевод, а иновидение того же самого явления, другая часть пословиц отражает переосмысление или частичное сходство, и третья группа пословиц вообще оказывается лишенной русского аналога и требует для понимания сложного комментария (философского, языкового, социально-исторического).

Эта последняя группа пословиц обсуждается с носителями языка и показывает, что путь к пониманию, приятию чужой культуры может быть весьма длительным и извилистым. Степень понимания и уровень присвоения идиоматического выражения оцениваются по тому, как часто и уместно в речи студентов появляются иноязычные изречения. Над распределением пословиц по группам работали все, активно обсуждая оттенки значений или темные места, не имеющие подтверждений в личном опыте студента.

Фразеологические двойники в китайских пословицах возникают на основе близкой русскому сознанию образности, например, кит. 人言可畏, 海浪能覆舟 / *ren yan ke wei, hai neng fu zhou* / *язык толпы может колебать и гору* = рус. *мирская молва – морская волна*. Метафоричность китайского мышления проявляется в сравнении языка с мощными природными объектами (*гора*), а русские чаще обращаются к живым стихиям природы (*волна*), наделенным признаками живого и вечного.

Кит. 口服蜜钱, 心口不一 / *kou fu mi jian, xin kou bu yi* / *в медовых словах всегда горечь найдется* = рус. *на языке медок, а на сердце ледок*; кит. 心口不一, 说一套做一套 / *xin kou bu yi, shuo yi tao zuo yi tao* / *во рту*

сладко-сладко, а на сердце – зубчатый серп = рус. поешь ты мотивно, да слушать противно. Ценность слова в пословицах проверяется сердцем в китайской и русской поэтике, а само слово сравнивается с медом.

Кит. 一张嘴里掩饰不住两个谎言 / yi zhang zui li yan shi bu zhu liang ge huang yan / в один рот двух ложек не втихнешь = рус. сидеть на двух стульях; кит. 一山容不得二虎 / yi shan rong bu de er hu / в одном лесу два тигра не живут (В одном лесу двух тигров не бывает) = рус. два медведя не живут в одной берлоге. Пословицы способны ёмко выразить мысль о несовместимости сильных характером людей, несмотря на то, что каждый выбирает своего царя зверей.

Кит. 一言既出驷马难追 / yi yan ji chu si ma nan zhui / карета, даже запряженная четверкой, не догонит сказанного слова = рус. слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Погружение в поэтику наводит на мысль о том, что китайские пословицы более сосредоточены на мысли, а русские – на эмоциях и чувствах.

Кит. 好人坏人都摆脱不了谣言 / hao ren huai ren dou bai tuo bu le yao yan / и хорошему, и плохому трудно избежать людской молвы = рус. худые вести не лежат на месте. Так и хочется добавить, что все тайное рано или поздно становится явным.

Кит. 祸从口出 / huo cong kou chu / язык беду приводит = рус. язык мой – враг мой. Кит. 让人害怕的不是刀, 而是尖利的语言 / rang ren hai pa de bu shi dao, er shi jian li de yu yan / язык, что топор – разит насмерть = не ножа бойся, а языка. Слово уподобляется холодному оружию, которое когда-то было самым опасным и распространенным инструментом вооруженной борьбы.

Кит. 正义战胜邪恶 / zheng yi zhan sheng xie e / прямое сердце не боится ударов грома = рус. смелого пуля боится, а труса и в кустах найдёт. Во все времена и у всех народов ценится способность человека к преодолению страха!

Кит. 祸从口出 / huo cong kou chu / ошибка при передаче слов вызывает много ругани – рус. от слова да за нож; слово не нож, а до ножа доводит; с людьми мирись, а с грехами бранись! В китайских пословицах отсутствует религиозное понимание греховности, в русских же данное понятие является этической константой. Понятия «любовь», «совесть», «воздержание от грехов» в понимании китайцев, по мнению востоковеда, отсутствуют, но китайцы прекрасно развиваются [5].

Кит. 人言可畏 / ren yan ke wei / язык толпы может поколебать и гору – рус. артелью и тятюку бить можно. Реципиенты не решились признать смысловую тождественность этих двух пословиц.

Кит. 叫天天不灵, 叫地地不应 / jiao tian tian bu ling jiao di di bu ying / подняться в небо – нет дороги, спуститься под землю – нет ворот – рус. чудеса в решете – дыр много, а выскочить некуда (о безвыходном положении). Данные пословицы иллюстрируют одну и ту же ситуацию, но если в китайском варианте звучит мотив безысходности, то в русской пословице сохраняется надежда на чудесное спасение.

Кит. 十日不读腹中空 / shi ri bu du fu zhong kong / три дня не будешь читать книг – твоя речь потеряет прелесть – рус. хлеб питает тело, а книга питает разум. При сходстве мысли в данных пословицах обращает на себя внимание эстетическое различие изречений. Традиционная китайская сдержанность предостерегает об утрате прелести (понимаемой русскими атрибутом красоты), а русская пословица чтение книг ставит в один ряд с величайшей жизненной ценностью – хлебом.

Кит. 大人不计小人过 / da ren bu ji xiao ren guo / большой человек не считает ошибок маленьких людей – рус. собака лает, соловей молчит. Русская пословица метафорична, собака и соловей указывают на оппозицию высокого и низкого в человеке; китайская же сосредоточена на точности суждения.

Кит. 绝处逢生 / jue chu feng sheng / дверь, за которой скрыто хорошее, трудно открыть; дверь, за которой скрыто дурное, – трудно закрыть – рус. торопись на доброе дело, а худое само приспееет. Эмоциональная нейтральность, манифестация объективности свидетельствует о созерцательном мировосприятии китайцев. Побуждение к добру как активному деланию сближает русскую пословицу с христианским мировоззрением.

Кит. 一山容不得二虎 / yi shan rong bu de er hu / два тигра в одном логове – кто из них выживет, а кто умрет? – рус. спорить спорь, а браниться грех; рус. кобыла с волком мирилась, да домой не воротилась; рус. драчливый петух жирен не бывает. Неразгаданность природы добра и зла отражается в их вечном противоборстве. Китайская мысль указывает на равную возможность, как победы, так и поражения в этой борьбе, русская же взывает к мудрости сдерживания греховного гнева, наделенного разрушительной энергией.

Кит. 好话不说二遍 / hao hua bu shuo er bian / и хорошую арию не поют три раза подряд – рус. глухому две обедни не служат. Пословицы близки по смыслу, но апеллируют к разному опыту человека (китаец – к искусству, русского – к вере).

Кит. 养尊处优不知人间疾苦 / yang zun chu you bu zhi ren jian ji ku / те, кому светло наверху, не знают, как темно внизу – рус. сытый голодного не разумеет – сходство в высказанной мысли далекое, но все-таки указывает на стену непонимания между людьми.

Кит. 沉默是金 chen mo shi jin / много ешь – не будешь чувствовать вкуса, много говоришь – обесцениваешь слова. Поистине слово – серебро, молчание – золото.

Кит. 路走多了就变成 了河 / lu zou duo le jiu bian cheng le he / дорога, по которой ходили тысячу лет, превращается в реку. Аналогов этому суждению в русском опыте не обнаружено, такой образ дороги-реки совершенно не характерен для русской культуры.

Кит. 多看少说 / duo kan shao shuo / *быстро открывай глаза, медленно открывай рот* – русскоязычные одесситы более категоричны: *замолчи свой рот!*

Кит. 三思而后行 / san si er hou xing / *когда говоришь – обернись назад и погляди вперед. Обернись назад* – обязывает проверять сказанное на истинность и достоверность, *погляди вперед* – заставляет задуматься о последствиях и ответственности за сказанное. Русские обычно говорят *посмотри вокруг себя* – в этом заключено скрытое опасение, что рядом могут оказаться посторонние.

Кит. 大张旗鼓 da zhang qi gu / *говоришь – говори ясно, бьешь в барабан – бей, чтобы все слышали*. Предки русских чаще обращались к колоколу *во дни торжеств и бед народных*, нежели к барабану как собственному воинскому атрибуту. Колокол взывает к спасению, барабан – к дисциплине и победе.

Кит. 言多难表 yan duo nan biao / *еды много – хорошо для застолья, слов много – плохо для общения*. Русское изречение *сытое брюхо к учению глухо* близко к высказанной мысли, но понимается русскими лишь как осуждение *лени*, лишаящей человека стимула к развитию, что несколько сужает универсальность китайской идиомы.

Подобрать китайский аналог к русским пословицам и поговоркам не всегда удастся не столько потому, что его нет, а потому что смысл русского высказывания для китайца не всегда ясен. В русских пословицах есть скрытый смысл, подтекст, выходящий за пределы слова и высказывания – в контексте, интонации и жесте, предполагающий подразумевание. *Кто старое помянет – тому глаз вон, а кто забудет – тому оба* – вторая часть пословицы обычно не проговаривается, а подразумевается. *Ударили по одной щеке – подставь другую, но не позволяй себя ударить* – воспроизведение второй части пословицы способно решительно изменить течение беседы даже в разговоре соотечественников! Недомолвленность, намек, скрытый смысл русских пословиц сближает их со стратегичностью китайского мышления [3, с. 10].

В языковом опыте иностранных студентов зачастую не оказывается никакой опоры и ориентира (*комар лошадь не повалит, пока медведь не подсобит* – мало знать, кто такие комар и медведь, надо иметь полный комплекс ощущений русской жизни!). Из этого следует, что подобные задания можно предлагать только хорошо подготовленным студентам третьего-четвертого курса, уже знающим и климатические условия, и особенности социального поведения россиян. Более того, формируемый интерес к чуждой культуре через язык побуждает китайских студентов внимательнее присматриваться к деталям быта и социальных взаимоотношений русских.

Наиболее сложным оказывается определение соотношения метафорических понятий, составляющих основу высказывания, само понимание метафоры. Архетипические образы, к которым неосознанно обращается каждый русский человек, обладают символическим значением (*лиса – хитрость, медведь – сила, слон – неповоротливость* и т.д.). Образность русских пословиц ориентирована на устоявшиеся этические константы, или императивы, получившие признание не только в русской, но и в европейской культуре (например, *звездное небо и нравственный закон* И. Канта). В ситуации, характеризующейся аксиологической неоднозначностью, китайцы обращаются к опыту *мудрой китайской обезьяны, сидящей на вершине горы и оттуда бесстрастно наблюдающей за борьбой хищников, именуемых человеческой цивилизацией*, и часто удивляют нас своими ответами [2]. Кроме того, китайские пословицы отличаются от русских принципиально нейтральной коннотацией (*прямое сердце и острый язык заставляют других обижаться*) и лишены свойственной русским выражениям экспрессивности, часто выражающейся в рифмованных суждениях (*он для красного словца не пожалеет и отца*) – это принципиальное расхождение в эстетике (а зачастую и этике) фразеологического выражения (не перевода).

Для молодого пытливого ума подобные задания, которые в большинстве своем факультативны и носят индивидуальный характер, дают богатый материал для размышлений, обогащают позитивным опытом толерантного отношения к инокультуре, формируют навыки эффективной межкультурной коммуникации: *前人栽树 后人乘凉 qian ren zai shu hou ren cheng liang* – *каждое поколение прокладывает путь для последующего*.

Поэтика китайских и русских идиоматических выражений открывает духовные сокровища двух великих культур, проверенных историческим временем, нравственно возвышает и укрепляет новое поколение в выборе ценностей. Педагогический и образовательный смысл их наследования состоит в присвоении базовых метафор и образов, лежащих в основе национальной ментальности и составляющих языковую основу этнической самоидентификации.

Список литературы

1. **10 непереводаемых слов о любви** [Электронный ресурс]. URL: <http://tonus.by/garmoniya/mzh/10-neperevodimyx-slovo-lyubvi.html> (дата обращения: 18.05.2013).
2. **Емельянов В.** Мудрой обезьяне придется слезть с горы? [Электронный ресурс]. URL: <http://oko-planet.su/politik/politiklist/39141-mudroj-obezyane-bridetsya-slezt-s-gory.html> (дата обращения: 21.05.2013).
3. **Зенгер Х. фон.** Стратегемы: о китайском искусстве жить и выживать. М: Изд-во Эксмо, 2004. Т. 1.
4. **Китай в раскладе мировых сил: семинар в ИДК известного писателя и китаеведа А. П. Девятова** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/599/> (дата обращения: 20.05.2013).
5. **Статеев Н.** Китай [Электронный ресурс]. URL: <http://maxpark.com/user/2259476537/content/854177> (дата обращения: 21.05.2013).

LANGUAGE IN CULTURE OF RUSSIAN AND CHINESE PROVERBS

Shchitov Aleksandr Grigor'evich, Ph. D. in Pedagogy
Tomsk Polytechnic University
shchitov@sibmail.com

Mao Chun'chao
Institute of International Education and Language Communication
Tomsk Polytechnic University

The authors within the framework of intercultural communication in the course of consideration of the Chinese and Russian proverbs about the language reveal ethical and aesthetic similarities and differences in relation to the word, speech and language; and tell that the pedagogical and educational meaning of joint research is expressed in the identification of common values, mutual trust and understanding.

Key words and phrases: proverbs and sayings; intercultural communication; bifurcation point; dialogue of cultures.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье предпринята попытка проследить историю создания одного перевода на английский язык произведения русского поэта М. Ю. Лермонтова «Ты помнишь ли, как мы с тобою...», выполненного американским священником и писателем Уильямом Алгером в 1865 году. У. Алгер с этим произведением познакомился благодаря собранию сочинений на немецком языке «Поэтическое наследие Михаила Лермонтова» Ф. Боденштедта. Выполнив перевод всего одного произведения Лермонтова, У. Алгер представил, по сути, собственную интерпретацию английского стихотворения Томаса Мура «Вечерний выстрел».

Ключевые слова и фразы: поэт; поэзия; стихотворение; переводчик; перевод.

Юсупова Алена Александровна

Тюменский государственный университет
yus-alena@yandex.ru

УИЛЬЯМ АЛГЕР: ИЗ «ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ МИХАИЛА ЛЕРМОНТОВА»[©]

Среди переводчиков произведений М. Ю. Лермонтова XIX века имя Уильяма Алгера осталось в тени. О переводе на английский язык У. Алгером стихотворения М. Ю. Лермонтова сообщается в начале XX века, а именно в 1902 году, в Антологии русской литературы Лео Винера, американского лингвиста, писателя и переводчика [15, p. 157].

Уильям Алгер (William Rounseville Alger, 1822-1905) – американский священник и писатель. Интересовался эсхатологической тематикой, его работа способствовала зарождению сравнительного богословия. Также пристально изучал и восхищался поэзией восточных стран. Главные литературные произведения: «Поэзия Востока» (–The Poetry of the East”, 1856) и «Критическая история доктрины будущей жизни» (–A Critical History of the Doctrine of a Future Life”, 1860).

В 1865 году выходит второе издание сборника «Поэзия Востока» У. Алгера, в названии которого автором заменяется *the East* (страны востока) на поэтический синоним *the Orient* (–The Poetry of the Orient”, 1865). В приложении сборника публикуются переводы стихотворений, сделанные автором, не имеющие отношения к восточной поэзии (–Poems other than oriental”). Среди переведённых шедевров греческой и немецкой поэзии всего одно стихотворение из творчества русского поэта М. Ю. Лермонтова «Ты помнишь ли, как мы с тобою...» (–Rememberest thou the day when we...”) [9, p. 328].

Цель данного исследования – проследить историю создания перевода У. Алгером произведения М. Лермонтова «Ты помнишь ли, как мы с тобою...» на английский язык.

Каким же образом У. Алгер познакомился с творчеством русского поэта М. Ю. Лермонтова? Владел ли У. Алгер русским языком? В имеющихся биографических очерках об У. Алгере, написанных в XIX веке [8; 12], какие-либо данные по этому поводу отсутствуют. В 1943 году выходит в печать сборник биографий выдающихся личностей Америки, куда впервые включено имя У. Алгера [10]. Чарльз Грейвз (Charles Graves), составитель очерка об У. Алгере, отмечает, что Алгер постоянно жил в мире литературы. У него была очень хорошая память, и он познакомился с огромным количеством произведений разных стран. Его работа «Поэзия Востока» (The Poetry of the East, 1856), состоящая из переводов стихотворений с персидского языка, санскрита, арабского, прошла несколько переизданий, несмотря на то, что знакомство Алгера с этими произведениями было только через переводы с немецкого и французского языков [Ibidem, p. 181].